

18+

Морское дыхание

NAO Annette

NAO Annette

Морское дыхание

«Издательские решения»

Annette N.

Морское дыхание / N. Annette — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-518138-1

1980-е. Холодная война стремится к кульминации, порождая немыслимые изобретения. Одно из таких сокровищ, корабль «Парящий», тонет и пропадает на десятилетия. Отголоски этого изобретения стали привычными, как мобильные телефоны. Это портативные стабилизаторы давления, вытеснившие акваланги. Пара подобных изобретений спасает от неминуемой гибели двух девушек, сброшенных за борт своего корабля, но спасение их ждёт не наверху, где светит солнце и ласкают волны, а внизу, в самом мраке морской бездны.

ISBN 978-5-00-518138-1

© Annette N.

© Издательские решения

Содержание

Глава 1: немой корабль	6
Лодки	12
Глава 2: прощаясь с солнцем	13
Глава 3: морское дыхание	17
Глава 4: палуба №5	20
Глава 5: последнее желание	24
Корабль	28
Глава 6: погружаясь в темноту прошлого	29
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Морское дыхание

NAO Annette

Дизайнер обложки Annette NAO

© NAO Annette, 2020

© Annette NAO, дизайн обложки, 2020

ISBN 978-5-0051-8138-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1: немой корабль

– Слышишь этот звук? Тот звук, который гасит шум, происходящий вокруг? Это звон бокалов, аккуратно поднесенных друг к другу, дабы не расплескать то, во что может быть превращена любая вода, даже окружающая этот корабль – вино. Как думаешь, звон этих хрустальных бокалов отличается от звона стекла?

– Уверен, что да, когда концентрируешься полностью, в ожидании этого звука, особенно тогда, когда сам держишь бокал, аккуратно, чтобы не расплескать достойный этого бокала напиток.

– О, мой друг, и хрусталь и стекло звенят одинаково, когда бьются. Одинаково противно. Однако звук тонкого соприкосновения двух бокалов совершенно прекрасен.

– Карл Блонски, да тебя хорошо пробрал факт нахождения на этом корабле! Весь такой пафосный! Осторожнее с такими речами, богатые дамы могут подумать, что ты не нормален.

– Эй, Мосс, друг мой, мы присутствуем на важном историческом событии! Это открытие века! Ты сам подумай! Я уверен, что с помощью этого изобретения скоро люди смогут летать, как Питер Пен!

– Ага, а пока же это изобретение создано для того, чтобы людишки не тонули в больших количествах...

– Это уже прогресс!

– Карл, заткнись хоть раз, со сцены ничего не слышно. Заткнись и фотографируй, для этого мы здесь.

Зал был огромен для корабля, он мог вместить все двести человек. И, находясь внутри этого шикарного и высокого помещения, и подумать было нельзя, что находишься на судне. Даже представительные особы, чье слово было не последним для многих тысяч людей, беззащитные, однако, перед качкой океанской стихии, совершенно забывали о своём недуге, находясь в этом прекрасном зале. Не надо особо описывать сцену, столы, шторы, еду и всякую роскошь, чтобы понять, что в это судно вложены огромные деньги. Таким кораблям положено, чтобы о них писали в газетах, чтобы на их фоне в портах фотографировались молодожены, чтобы они вошли в историю, известные и обремененные роскошью, однако об этом корабле никто не знал. Ну, почти никто, человек 500, но ведь эта цифра ничтожно мала для мировой истории, и если бы они исчезли все или погибли, история поглотила бы их, не подавившись, не так ли? А люди, сидевшие сейчас напротив сцены, конечно, занимали очень важные места в истории, хоть и не были главами государств, а их представителями, всё же, никто не должен был узнать о том, что они здесь.

Этот корабль внешне был так сер, что даже под лучами летнего морского солнца глазу не открывалось ни капли тёплого места на нём. Смотреть на него было поистине холодно, и холод этот не привлекал излишнего внимания не обременённых наукой и политикой людей. Безмолвная посуда, казалось, не издавала никаких собственных звуков, а будто обклеила себя шуршанием волн и свистом чаек.

– Прошу тишины, дамы и господа! – сказал со сцены человек в стандартном чёрном костюме, который не был сшит на заказ и не имел ничего примечательного, как и его обладатель. Он ждал. Ждал, слегка шурясь от слишком белого света прожектора, белого, как лист новой книги, ещё не потерявшей свой запах. И шум стихал. Сначала прекратился звон хрустальных бокалов, так услаждавших улитку в ухе Карла, а затем стихли и голоса. На мгновение в воздухе зала повисла тишина, под стать кораблю. И уверенный голос ничем не примечательного обладателя её прервал: «Дамы и господа! Компания «N» благодарит вас за то, что вы вступили на борт этого корабля! Вы сделали шаг в будущее! Шаг на опережение как своего времени, так и своих конкурентов. Сегодня у вас есть шанс разделить с нами права на владе-

ние нашей замечательной технологией. Я вижу, вы немного утомлены. Что ж, я развею вашу скуку и продемонстрирую вам сказку, воплощённую в жизнь... Господа... а вы слышали... о русалках?

Зрители в недоумении переглянулись, уставились на человека в костюме, начали оглядывать сцену. Кто-то начал думать об обмане, где-то на задних рядах прозвучала фраза о растраченном времени... Прожекторы направили свет с частичками плавающей в нём пыли на шторы, закрывающие правую часть сцены.

– Дамы и господа, наша оборотительная модель Сэнди любезно согласилась продемонстрировать вам наше изобретение! – возгласил, взмахнув свободной от микрофона рукой, неприметный ведущий. Молодой человек в красных пиджаке и берете потянул вниз золотой канат, и штора начала подниматься. Одновременно за ней послышался шум колёс – матросы покатали в центр сцены тяжёлую тележку, увешанную взглядами зрителей. Когда неприятный шум колёс прекратился, и ручки тележки неаккуратно ударились об пол, в зале снова возникло мгновение тишины, прервавшееся плеском воды, и прозрачные струи потекли по ножкам и колесам тележки.

То, что так пафосно и небрежно было доставлено в центр сцены, являлось круглым аквариумом с диаметром 2 метра. Прекрасный розовый хвост проскользнул изнутри по его стеклу, и из-за него показалось лицо прекрасной женщины восточной внешности с кудрявыми рыжими локонами, медленно перемещающимся в воде вслед за движением головы русалки. Её формы разбудили аппетит в нескольких мужских, и, возможно, паре женских желудках, если это, конечно же, была не зависть. Она вытянулась волной в полный рост, чтобы зрители могли осмотреть её с ног до головы... Это была её лучшая и последняя роль.

– Мы назвали устройство, расположенное под грудной клеткой нашей актрисы, стабилизатором давления. Это название занижает его возможности. Прежде, чем я расскажу вам о нём, я попрошу матросов закрыть аквариум, чтобы наглядно продемонстрировать возможности аппарата. Не волнуйтесь, с Сэнди всё будет в порядке.

Матросы вынесли деревянную крышку и закрепили её на стеклянном аквариуме на железный замок, а ключ отдали ведущему. Зрители перешептались, вполне справедливо признав последнее действие совершенно излишним. Прозвучала вспышка фотоаппарата.

– Это устройство выполняет три функции. Первая – помогает человеку быстрее всплывать с определённой глубины, благодаря образуемому кислороду (сжато воздуху) с одной стороны и увеличению плотности окружающей воды с другой. Однако следует отметить, что оно лишь помогает человеку всплыть, но не поднимает его самостоятельно, а также не работает на глубине более 15 метров.

– Как-то слабовато для открытия века, не находите?

– Согласен. Однако я хочу рассказать о других функциях нашего изобретения.

– Ну что, Карл, поутих? – насмешливо сказал фотографу в сером костюме, недорогих, но блестящих туфлях, Мосс.

– Ты поутихни и смотри дальше, – разозлился фотограф, – однако странно выглядит эта штука на поясе русалки, – сказал он, стараясь приблизить изображение.

– Вторая функция – стабилизация давления на глубине до 150 метров. Находясь на такой (чуть меньшей) глубине, человек не будет испытывать дискомфорта от давления воды. Наше устройство воздействует на молекулы воды, расталкивая их между собой на определённой дистанции от него.

– И как это поможет мёртвому? – прозвучал насмешливый мужской голос с задних рядов.

– И третья, самая главная, функция – это обеспечение пострадавшего кислородом. Да, это устройство может выделять кислород из воды и доставлять его по трубкам в нос пострадавшего! Взгляните на Сэнди! – все взгляды вновь переключились на закрытый аквариум, в котором свободно плавала русалка. Она вновь вытянулась, показывая пояс под грудной клет-

кой. Он занимал расстояние от кончика мечевидного отростка до пупка, будучи ромбовидной формы. На его передней поверхности сверху находились закрытые колпачками кнопки, а по бокам отходили четыре металлических отростка из нержавеющей стали, сцепляющиеся попарно между собой на спине. От верхнего угла отходила система трубок, охватывающая шею и заканчивающаяся в ноздрях красавицы. «Верхняя часть устройства отвечает за снабжение кислородом. В нижней части встроены датчики и аккумулятор. Энергия вырабатывается из водорода. Металлические ответвления ответственны за стабилизацию давления – это устройство воздействует на воду по принципу работы МРТ.

Со второго ряда небрежно выкарабкался хорошо одетый мужчина в очках лет 30 с бриллиантовыми запонками и, тихо и взволнованно извиняясь, осведомился о туалете у матросов.

– То есть вы хотите сказать, что, если человек утонет, он может спокойно гулять по дну, допустим, рек или озёр? – бросил вопрос на сцену Карл, совсем не подумав над тем, как правильно его озвучить, ведь утопленник не будет гулять по дну рек и озёр.

– Совершенно верно! Однако это устройство долгое время будет не из дешевых, и им будут оснащены только лучшие корабли! И это может быть и на вашем судне.

– Bravo! – послышалось из зала слишком рано.

– Дамы и господа, а теперь поиграем в небольшую игру: я хочу услышать от вас, как, по вашему мнению, может применяться это изобретение? – сказал ведущий, осведомившись, что с Сэнди всё в порядке.

– Можно изучать жизнь рыб, растений и животных на дне! – вдруг басом сказал капитан корабля с балкона. В зале переглянулись, удивившись такой вставке от капитана корабля, кто-то счёл нужным похлопать, а капитан в ответ погладил кончиками своих пальцев в белых перчатках свой правый ус.

– Добывать жемчуг! – сказала дама, и в зале разразился шум. Между тем вдалеке от этого шума мужчина в бриллиантовых запонках и совершенно новых туфлях, которые ещё не носились и пару дней, тихо вышел через центральный вход в зал, аккуратно открыв его позолоченно-белую деревянную дверь и закрыв позади себя, повернул мимо туалета, и стал вести себя предельно внимательно. На его благо и удивление, действительно, весь экипаж корабля собрался в его центральной части, чтобы и видеть представление, и быть его частью, в то время, как новые ботинки шли по новой палубе в носовой части корабля, делая небольшой крюк.

– Прокладывать кабели и трубы под водой, – сказал человек, сильно думающий о благосостоянии своего бизнеса.

– Нет, в этом случае нужны защитные костюмы, иначе вы заплатите работникам кругленькую сумму, когда они вас засудят. Ну что, идеи ещё есть?

– Это может помочь научить моего мальчика плавать! – умиленно и с дрожью в голосе сказала полная дама.

– Я думаю будет неплохо сначала научить его плавать самостоятельно. Я тоже предложу пару идей для будущего: платные аттракционы на море для детей, добывание полезных ископаемых, использование приспособления для морских войск... и многое другое, – произносил подготовленные ответы ведущий.

Человек с запонками вновь оказался в центральной части и происходящего и корабля, только уже позади и справа от сцены, укрывшись в узком проходе-тоннеле, соединяющем две части корабля, позади от чужих глаз. Он аккуратно повернул вентиль неприметной железной двери, на которой было написано «Вход воспрещён. Строго для персонала», открыл её от себя и зашёл внутрь, переступив порог. Через пару секунд он высунулся, огляделся и крепко закрыл дверь изнутри. Перед ним была железная лестница, обильно покрытая белой краской, круто ведущая вверх.

– Дамы и господа! Это далеко не всё, что мы хотели бы вам продемонстрировать!

Мужчина в хорошем синем костюме встал на последнюю ступень белой лестницы и посмотрел на свои часы: «Без пяти два», – шёпотом проговорил он.

– То, что вы видите на прекрасной Сэнди (у которой начал заканчиваться воздух в аквариуме, который она могла добыть из того количества воды, которая окружала её) не что иное, как портативный стабилизатор давления... Мы раскроем вам секрет – этот корабль оснащён стационарными стабилизаторами давления. В это вам будет сложно поверить.

Там, где заканчивалась лестница, располагалась маленькая площадка два на два метра площадью. Слева находился аппарат с панелью управления и большим рубильником, поднятым вверх. Справа было маленькое застеклённое окошко, размером с лицо, из которого сверху вниз была видна сцена с закрытым аквариумом, заточившим бедную Сэнди. Прямо был расположен небольшой застеклённый стальной шкафчик, в котором находились письма, спрятанные капитаном, распоряжения «сверху» и инструкции к панели управления, которые были совершенно без надобности этому мужчине. Он уверенно подошёл к рубильнику и опустил его вниз.

– Время «непотопляемого» Титаника прошло! Этот корабль совершенно не потопляем! Даже если в нём возникнет пробоина, стабилизаторы давления удержат его на плаву! Более того, они обеспечат кислородом всех пассажиров!

– Видишь! Это чудо! – прошептал Карл Моссу.

– Ты прав, старик. Жаль, что у нас на это чудо денег нет.

– Без двух минут два, – грустно произнёс, сидя на лестнице, человек с запонками. И грустно ему было от того, что у него нет с собой никакой фотографии, чтобы посмотреть на неё, потому что у него не было никого... Он должен был сидеть здесь, взаперти, и умереть от голода, но защитить стабилизатор для последующего изучения.

«... три стабилизатора на корабле, работающие круглый год...», – проговорил ведущий, уже намереваясь закончить свою речь и отпустить русалку, как вдруг свист чаек, облепивших корабль, был прерван другим, более громким и противным свистом. Он на секунду затих, спустившись под воду, а затем раздался взрыв. В зале люди ощутили мощнейший толчок и оглушительный звук, громче которого был только звук посуды, одновременно поднявшейся в воздух и разбившейся разом, однако потом и этот звук был оглушён пронзительным криком. Зал наполнился дымом, а затем начал наполняться водой. От толчка половина сидевших на балконе проделала недолгий полёт вниз, и меньший полёт проделала голова капитана, приземлившись на край стола. Ведущий упал со сцены и начал подниматься, когда корабль наклонился в сторону, противоположную сцене, и шар аквариума сошёл со своего пьедестала и покатился по полу, раздавив пару людей на своём пути. Сэнди ударилась головой и логтем правой руки, когда её стеклянная тюрьма встретилась со стеной зала.

– Без паники! – крикнул ведущий, – «Корабль непотопляем! Скоро вода остановится! Просто займите безопасное положение и ждите, когда качка утихнет! Пожар уже разрешён!»

– Да пошёл ты со своим кораблём! Шлюпки где?! – закричал толстый джентльмен, держа за колонну.

– У нас нет шлюпок! Зачем они этому кораблю? – вопросительно произнёс ведущий.

– Да я тебя убью! – вскричал мужчина и пошёл навстречу, отпихнув женщину. Он, болтаясь из стороны в сторону, подошёл к ведущему, взял во вспотевшие кулаки его пиджак и начал неистово орать, покрывая того слюнями.

– Нам надо найти фотоаппарат! – кричал Карл державшему его за руку другу, – «Там весь наш гонорар!», – с этими словами двое молодых мужчин с лёгкой бородой и серых старых костюмах начали, хлюпая по колену в воде, отыскивать под перевёрнутыми столами камеру.

Ракета, как пуля в теле человека, пробила центральную часть корабля ниже ватерлинии, и, идя наискосок, не взрываясь (это вызвало бы ненужный шум), вышла в носовой его части, ещё ниже под водой. Потеряв всю энергию при встрече с металлическими преградами, она, проплыв ещё немного, медленно начала опускаться на глубину, теряя те маленькие солнечные

блики, которые ещё пробивались до неё через толщу воды. Она оставила позади себя входную пробоину, окружённую металлом, ввёрнутым внутрь корабля, и огромную выходную, с краями в форме лепестков жуткого плотоядного цветка. Носовая часть корабля быстро наполнялась водой, и корабль наклонился в другую сторону и вперёд. Только что вытасненной из бабушкиного варенья вишенкой на торте был тот факт, что ватерлиния была выше должного уровня потому, что куча вещей богатых пассажиров создала перегруз, и, кроме того, рубильник был опущен вниз, и корабль немного «просел».

Всё покатило назад, сбивая с ног присутствующих. «Хватайтесь за колонны! – вскрикнул ведущий, приземляясь поясницей на край сцены. Его накрыл орущий толстяк. Круговорот столов, воды и людей покатило в сторону сцены, а за ними и шар с задыхающейся Сэнди, ударившийся о край сцены и давший трещину. Старпом, который за минуту до этого, пробираясь по балкону в поисках капитана, обнаружил его лежащим внизу, теперь висел в воздухе, цепляясь руками за этот самый балкон. Вода начала достигать уровня шеи половины людей, центральный вход теперь был выше воды, в противоположном конце зала, из запасного выхода, ведущего в носовую часть, поступала вода, а противоположный выход находился уже высоко, и поднимался всё круче вверх.

Висящий старпом начал кричать, чтобы матросы помогали людям держаться за колонны и начинали с ними добираться до центрального выхода. Матросы начали кричать между собой, чтобы информацию услышали все. Они начали расталкивать столы, хватать людей и цеплять их за колонны, по скользкому, отполированному до блеска полу ползти вверх к центральному выходу. Один ловкий матрос добрался до него и открыл двери, крича, что все должны без паники добраться на верхнюю палубу. Вода начала скрывать головы людей, которых придавило столами. Матросы пошли за ними, медленно погружая головы под воду... Через несколько секунд вынырнул один матрос и, откашливаясь, закричал: «Старпом! Он не работает! Не работает! Мы тонем!» И это мгновение ужаса от осознания серьёзности ситуации было таким сильным, что старпом разжал руки и упал вниз, а людей накрыла новая волна паники и воды. Для тех, кому до этого момента она лишь была неприятностью, теперь стала врагом, теперь все отчётливо осознавали, как режет глаза и ноздри эта соль, как холодны ноги и тяжелы платья.

У Сэнди кружилась голова. Она медленно осматривала стены своей стеклянной клетки, она хотела плакать под водой, но не могла. И вдруг она заметила трещину, и начала колотить её руками. Она сняла конец хвоста, расстегнула молнию снизу-вверх и начала бить стенки ногами.

Старпом поднялся и схватился за колонну. Корабль накренился обратно, и всё повторилось снова, только хуже и хуже. Некоторым везунчикам удалось проскользнуть через спасительные ворота, прежде чем их перекрыло хламом. Они начали всплывать и пытались пробраться на верхнюю палубу. Женщины додумались снять платья. Пара матросов вели их и помогали. Между тем другие матросы пытались освободить проход. Старпом, отцепившись от колонны, начал пробираться в другом направлении, которое теперь было меньше заполнено водой, чтобы включить аппарат. Он прошёл через затопленный выход и нырнул в направлении двери, где сидел человек с запонками и медленно курил третью сигарету, держась за перила лестницы. Шар Сэнди тоже круто покатило через середину зала, описав из-за крышки его полуовал, и, когда корабль начал наконец-то выравниваться, покатило обратно и ударился о проём запасного выхода, ударив русалку головой и увеличив трещину.

– Надо найти другой выход! – кричал Мосс своему другу, всплывшему с фотоаппаратом. Они осмотрелись и увидели выход к корме судна, начали пробираться туда, вверх.

Старпом находился ещё в центральной части корабля. Он не поплыл к носу его, а остановился напротив заветной лестницы и попытался открыть ручку двери. Она не поддавалась. Он стал крутить её ещё сильнее, пока не понял, что она заперта изнутри... но понял слишком поздно.

Щелчок. Непонятный звук. Он под водой, где-то далеко под водой, глубже всего. Молчание в шуме воды. И нос корабля начал подниматься. Вода, освободившись от притяжения к носу корабля, хлынула в центральную часть. Она заполнила зал и, втискиваясь в проход к карме, водоворотом увлекла туда двух человек и скрыла дверь в своей глубине, унося утихающих пассажиров вверх, к потолку. Здесь ещё оставался клочок воздуха, за который цеплялось слишком много человек. Они пытались нырять к двери, но вода тянула их обратно.

Ещё раздавались некоторое время уже не крики, а скорее выкрики, всхлипывания и хрипы. А затем наступила тишина, долгожданная после стольких мучений. Она была грустна, как отдых после напряжённого, но бесполезного дня.

В этой тишине плавали огненно-рыжие локоны сдавшейся красавицы, которая, бессмысленно озираясь, медленно повернула голову и увидела перед собой лицо смерти – лицо старшего помощника. И свет, доселе неизвестный самой русалке, загорелся в её глазах. Она сделала несколько надрывных вдохов в воде, сорвала с себя аппарат и начала бить его заострённой нижней частью в трещину... и она поддалась. Щель дошла до стеклянной части замка и прошла через него, освободив сам металлический замок, и деревянная дверь поддалась. Это был тот редкий случай, когда звук бьющегося стекла был приятнее звона самого изысканного хрустального бокала. Девушка выплыла из стеклянной тюрьмы и поплыла в единственно верном направлении, вышвырнув сломанную технику по пути – в направлении носа корабля.

Тем счастливицам, которые пролетели во входную дверь, удалось выбраться с корабля на поверхность морской воды и увидеть закат, словно в первый раз. Что дальше стало с ними, никто не знает. Никто не знал, что этот корабль существовал и проплывал именно здесь, а тот, кто знал, не спешил прийти им на помощь. Может быть, кому-то из них удалось спастись, но в газетах их имена не появились ни через неделю, ни через месяц, ни через год.

Двух приборов оказалось недостаточно, чтобы выдержать вес корабля, тем более полностью заполненного водой и перегруженного, однако было более чем достаточно, чтобы погрузиться на дно очень медленно, что совершенно изменило в итоге его место расположения. Глубинные течения унесли его далеко от ракеты, и он медленно и величественно приземлился на дно, лишь центральной частью касаясь его, как железная пушинка.

Лодки

Вот
Плывёт
Лодочка ветхая.
Её раскачает стихия.
Чудом причалит, чуток пострадав.
У моря бывает порою затейливый нрав!
Мощнейшее
Кораблище
Немедленно
Пойдёт, невзирая на то, сколько сил было вложено,
В пучину морскую, и с грохотом сядет на дно.
Бывает, душою вольёшься ты в дело одно,
А без толку это всё, как ни крути!
Порою же, легче бывает в пути,
Когда ты идёшь налегке,
Попивая sake.

Глава 2: прощаясь с солнцем

– Ходят слухи, что именно в этом море утонул известный вам изобретатель «стабилизатора давления», как он сам его назвал, Том Лицки. Хотя документальных подтверждений этому нет. Всё, что нам досталось от этого человека, это найденные через 3 года его детьми записи. Он имел два образования: был врачом и инженером, и был крайне скрытен. Никто не знал о его работе, он, полагаю, боялся, что его изобретение украдут.

– Почему он просто заранее не запатентовал его и не объявил о нём? – сказала тихо рыжеволосая девушка, сидевшая на задних рядах на верхней палубе небольшого двухпалубного судна, опершись локтем левой руки на металлические перила и кулаком подперев подбородок. Она не смотрела на рассказчика – ей было скучно и холодно – погода портилась.

– Может быть, он просто не успел, – сказал экскурсовод, – зато его открытие послужило на благо человечества и внесло его имя в историю, оно спасло жизни многих людей, однако, конечно, послужило оно и на благо «пиратов», прячущихся теперь под водой на отмелях. Но как хорошо теперь известен подводный мир, не на большой глубине, конечно, – он ещё говорил что-то о развитии «подводных технологий» до нынешнего 2020 года, усыпляя слушателей, и наконец-то, замёрзнув, сказал, что погода испортилась и лучше спуститься в кинозал.

Все встали с пластмассовых белых стульев и начали спускаться вниз с холодной палубы, а матрос помог сделать ведущему горку из стульев, складывая один поверх другого, связать их и убрать под тент. Энни встала последней и, вяло переступая, спустилась вниз, сходила в туалет и вошла в небольшой кинозал. Показывали фильм «Экипаж» 2012 года, а лучше бы было, чтобы показывали что-то более позитивное, тем более мнительные пассажиры могли перенести авиакатастрофу в голове на это небольшое судно, но Энни не перенесла. К концу фильма, не досмотрев его, она пошла обедать.

Через полчаса, поглаживая живот под стабилизатором давления (без него не разрешалось подниматься наверх), она пошла на верхнюю палубу, на прогулочную площадку, чтобы подышать свежим воздухом. На корме собралось немного народу: человек 5 пассажиров и пара матросов. Пассажиры курили. Пара мужчин перебрали алкоголя и, стоя с бутылками в руках, шумели и толкали друг друга. Шёл небольшой дождь. Энни оперлась руками на металлические перила и рассматривала убегающие волны, когда поднялся резкий летний ветер, освеживший её затылок, а через секунду её голову освежила резкая боль. В глазах задвоилось, Эн увидела по две волны под ней, по две свои левые руки без колец, а когда она повернулась, то увидела дуло пистолета, одно. Она никогда раньше не видела его вживую. Перед ней стоял грабитель. Кучка незаметно взобралась на корабль и, взяв несколько заложников, в том числе Энни, потребовала всё ценное. На нём тоже был стабилизатор. Их моторная лодка, похоже, могла погружаться немного под воду, чтобы незаметно подходить к кораблям. «Везучий случай», – подумала девушка, разглядывая дуло. В ней боролись разные противоположные мысли, чувства, в основном страх и спокойствие, мол незачем их убивать, но эти мысли не брали верх над совершенно очевидной мыслью о том, что она была в опасности. Большая часть матросов совершенно правильно увела другую часть пассажиров, в том числе притихших алкашей, на нижнюю палубу и начала отдавать ценности, чтобы бандиты ушли. Но не очень разумная часть начала спорить, и грабитель, шумя, вытащил из куртки битую, угрожая им. Ситуация начала выходить из-под контроля – один матрос полез в драку. Энни засмотрелась на него, слушая удары сердца, тут на секунду заметила битую, исчезнувшую у неё в сантиметре перед глазами, и потеряла сознание. Последнее, что она поняла, это то, что её лёгкие наполняет вода. Она знала, что тонет.

– Она тонет! – крикнула девушка с чёрным тугим хвостом на голове, провожая Энни глазами.

- Заткнись! – крикнул грабитель, переключившийся на утомившихся матросов.
- Она тонет! – продолжала девушка. Только она и пара грабителей могли видеть Энни.

Экипаж заволновался.

- Заткнись, сука! На ней стабилизатор! – рявкнул мужчина с битой и пистолетом.
- Она без сознания!
- Заткнись!

– Сам посмотри, придурок! – кричала, срываясь, девушка. Бандит обернулся и увидел не двигающуюся погружающуюся Энни: «Старший, она реально тонет!» – виновато выдал он.

– Ты придурок! Хочешь сидеть за убийство? Нырять за ней, как хочешь, иначе ты не в нашей команде! – сказал их лидер.

- Эй, ты! Сука! Похоже, эта девчонка дорога тебе! Нырять за ней!
- Я не...

– Нырять, я сказал! – закричал, выстрелив в воздух, грабитель. Их старший опешил и разозлился: «Какого... ты стрелял, кретин!»

Девушка перелезла через борт и замедлилась, цепляясь руками, вывернутыми назад, за железный поручень с облезавшей голубой краской. Ветер начал стихать, а вырвавшийся из-за облаков луч солнца озарил волны, убегающие из-под кармы корабля, и она, стоящая на краю этой кармы так, чтобы этот луч укусил её за пальцы ног, почувствовала желание спасти другую девушку и нырнула. Она проплыла немного до Энни брасом (неплохо, однако, плавала), вдохнула громко воздух так, что вдох был немного похож на крик, так, что лёгкие заболели, и нырнула. Через метр она открыла режущие солью глаза, увидела ещё быстрее ускользящую вниз рыжеволосую фигуру и поплыла за ней. Теряя пузырьки воздуха, она схватила левой ладонью её руку, сняла защитный колпачок с красной кнопки своего стабилизатора и нажала на неё. Они немного остановились, но начали снова опускаться. Девушка вытащила из верхней части стабилизатора трубки и воткнула их себе в нос. Спасательница немного отдышалась через них, еле надев на шею, сняла колпачок со стабилизатора Энни, нажала спасательную кнопку и, посмотрев вверх, на поверхность мерцающей в лучах солнца воды, схватила рыжую и приготовилась всплывать.

Но она не всплывала. Она держала на руках живого человека, самого близкого ей в данный момент, хотя и не знакомого, но почувствовала себя совершенно одинокой. Её хвост смотрел кончиком вверх – туда, наружу... Они тонули. «Неужели... уже так глубоко?..» – бессмысленно спросила она. Она знала ответ.

Стабилизатор давления уже не работал на подъём, а переключился на свою основную функцию – функцию стабилизатора давления, посчитав её ведущей.

Было ещё заметно там, наверху, что погода улучшилась, ветер стих, уменьшив рябь на волнах, и лучи солнца теперь смелее и прямее пробивались вниз, согревая воду. Они выглядели так чётко, будто жёлтые ленты, которые сотни девочек из пионерского лагеря сняли с волос, освободив их ветру, и положили в воду под звук духовых инструментов.

И ещё было заметно, что никто не нырял... Никто. Ни одного тёмного пятна в этих жёлтых лучах. Интересно, что творилось там, на судне, которое покачивалось вдалеке, на краю этой сферы воды. Наверное, «пираты» совершенно справедливо решили, что двух утопленников им хватит, и осознали, что теперь впереди их ждёт совершенно другая жизнь, которая рано или поздно закончится тюремной решёткой, и им всем, по очереди, предстоит попрощаться с солнцем.

Темноволосая девушка уже нацепила на Энни трубки, подающие кислород, и делала периодически несколько вдохов ей в рот, сжимая и разжимая грудную клетку. Что ещё ей оставалось делать? Если отодвинуть в воде в сторону от шеи рыжие локоны, то можно было на ней определить слабый пульс, но глаза её были по-прежнему закрыты. Да и смотреть тут было нечего – вокруг только синяя бесконечность. Энни оставила свою подружку с ней наедине.

Становилось всё темнее и прохладнее. Слава богу, не так темно, благодаря слабо пробивающемуся свету сверху. Потоки одиночества перекачивались водой снизу-вверх по коже, поднимая вверх тёмные маленькие волоски и хвост на голове девушки. Она ритмично и медленно дышала, закрывая глаза, представляя, что она находится далеко отсюда, в своей детской кровати, рядом с мамой, однако сырость не могла ей позволить сконцентрироваться на этом чувстве, и она снова открывала глаза, сначала немного смотря вверх, а потом медленно опуская солёные глаза вниз, в темноту, и её охватывало немое отчаяние и страх. Вокруг не было даже мелкой рыбёшки, как будто море как назло отодвинуло их от этих людей, чтобы одинокому взгляду не за что было схватиться.

Когда вода вокруг стала тёмно-синего цвета, когда темноволосая девушка вдохнула очередной комочек воздуха в лёгкие рыжеволосой Энни, чьи волосы уже были единственным источником света, а над головой находилось морское синее небо, ноги девушки коснулись дна.

Она, держа на руках Энни, чьи худые руки, раскинувшись в разные стороны, смотрели тонкими пальцами вниз, посмотрела на её светящийся стабилизатор давления, и увидела страшную цифру – 208. Она посмотрела на свой стабилизатор – 207. Девушка глядела заворожённо на эту цифру, пытаясь силой воли её уменьшить, но тут увидела на краю стекла трещину, которая росла, и только тут заметила неприятное напряжение в своих ногах, будто их что-то сжимало. Конец был близок. Вот сейчас это маленькое спасительное стёклышко, удерживающее жизнь двух девушек, лопнет, и они умрут достаточно быстро. Девушка даже позавидовала Энни, ведь та ничего не почувствует.

Она стояла в отчаянии на песке морского дна, замёрзшая, подрагивающая от холода дна и усталости в мышцах, прищурившаяся от соли, которая почёсывала глаза, не в силах посмотреть по сторонам. Всё же она огляделась, чтобы осмотреть свою могилу. Тут её холодные уставшие руки дрогнули особенно сильно, передав эстафету ногам – справа от неё метрах в тридцати стояла чёрная высокая треугольная фигура. Когда девушка, опускаясь в воде, переводила взгляд сверху вниз в толще воды, она не видела ничего подобного, может быть, из-за невзрачности неизвестной фигуры, а может просто не хотела видеть. Девушка пригляделась получше, боясь смотреть. Скала? Нет... Корабль! Это корабль. Он стоял прямо, немой и тёмный, словно великан, задранный нос гордо вверх, не желавший общаться с незнакомцами, скептик, не признающий навязанных мнений... Обегая взглядом его величественность, девушка решила, что более подходящей могилы и не придумаешь, и пошла к нему, поднимая под ногами песок. Чем быть кормом для рыб, лучше быть заложником произведения человечества навеки – думала она, представляя людей, утонувших в торфяных болотах, или мумий, или парочку из фильма, залившую себя в бетоне, или персонажей книг, хотя последнее, как спустя минуту решила она, совершенно не вписывалось в этот «бессмертный список». Она обошла слева нос корабля, отметив, что он находится уж очень высоко над морским дном, точно задранный нос гордеца, прошла дальше и увидела в центральной части тёмного судна тёмное пятно пробоины, находившееся чуть выше уровня песка. Слабый свет стабилизатора освещал вход. Эта нелепая дыра в корабле, от которой веяло сумраком ночи, в которой не было годами и луча солнца, была одним из «смелых мест», как решила темноволосая. Из тех мест, куда лазают дети на улице, обретая смелость: подвал, чердак, и так далее. Почувствовав эту детскую, давно забытую смелость, девушка подошла к пробоине, положила Энни на её край, вдохнула в лёгкие девушки напоследок воздух и втокнула её внутрь.

Сделав рывок, она встала коленями на край пробоины, и, руками отталкиваясь от стенок необычного входа, толкнула своё тело вперёд. Она приземлилась на покрытый песком пол и огляделась. Помещение было испорчено водной стихией. Оно было наполнено железными трубами и неизвестными ей механизмами, покрытыми кораллами. Помещение напоминало затонувший цех подводного завода, являя собой необычный стиль морского стимпанка. За трубами стояла тьма, словно материальная, словно кто-то стоит там, в темноте, в чёрном бальном

платье, в шляпке в виде корабля со спускающейся на глаза чёрной вуалью, стоит и мёртвым кончиком ногтя тихо отковыривает облезшую ржавую краску. Это место было ещё более жутким, чем морское дно, и девушка направилась, взяв Энни на руки, к открытой двери, тёмной двери.

Девушка прошла через дверной проём и коридор, продвигаясь по нему боком, чтобы не ударить Энни головой. Она оказалась посреди комнаты с кучей дверей, закрытых или слегка приоткрытых, прячущих мрак в своих щелях, поставила ноги Энни на песочно-железный пол и вдохнула в неё воздух, уже спокойно и привычно. Подняла её ноги и снова огляделась. Мебель превратилась в мусор, везде лежал песок, из которого местами торчали моллюски. Слева у стены была лестница, ведущая наверх, ржавая, с еле сохранившимися кусками краски, а с палубы, находившейся выше, спускались вниз водоросли, как праздничные шторы, окружавшие парадный вход.

Темноволосая девушка хотела подняться на самый верх, к носу корабля, где стоял капитан много лет назад, держа штурвал, и умереть там. Она взяла Энн на руки и пронесла её сквозь водоросли наверх по ступеням. Поднявшись на палубу выше, она тяжело вздохнула, и вздох этот заглушил маленькое потрескивание стёклышка на её солнечном сплетении. «Палуба 3», – прочитала она, но лестница поднималась ещё выше, и она пошла по ней. Ноги давило так, что отдавало в виски. Руки устали так, что если она отпустит их, то больше не согнёт.

Но она поднималась. Поднималась вдоль стены зала, и понятия не имела, что за стеной лежит множество останков людей в шикарных нарядах, поеденных морем, и в украшениях – золоте, жемчуге, камнях, платине... Они уже никому не достанутся.

«Палуба 4», – тяжело выдохнув, прошептала она. Но лестница вела вверх. И она поднялась выше. Как только её ноги вступили на очередную палубу, она, не успев оглядеться и передохнуть, услышала звук хрустнувшего стекла. Вслед за этим звуком лёгкие и глаза девушки резко сдавило, она выпустила Энни из рук, и её вместе с её хрипом затянуло хлынувшей массой воды в тёмный проход.

Глава 3: морское дыхание

Надрывный вдох и кашель, тяжёлый, как при чахотке, будто пытаешься выдавить через узкие кольца трахеи свои лёгкие по кускам, раздался в её голове. Было так тяжело, что она даже не поняла, что это она кашляет. Она еле открыла глаза с запрокинутыми вверх, под кромку века, зрачками – в них двоилось. Она сделала глубокий надрывный вдох и почувствовала, как в её лёгкие поступает вода, постаралась откашляться, дрожа всем телом и переворачиваясь с бока на колени, обхватив дрожащими руками лёгкие. Её тело не могло сопротивляться воде, и она вдохнула её полной грудью, вдохнула... и поняла, что дышит. Она, скрутившись в комок на коленях и уткнувшись лицом в пол, изумлённо смотрела в него, и дышала, а её рыжие волнистые локоны свисали с обеих сторон её лица, пряча её изумление от корабля. «Я жива... Я дышу!..» – пронеслось в её голове, которая ещё раскалывалась от удара. Она вспомнила битву, и голова заболела сильнее, как будто её ударили снова. Она медленно проскользила лбом о слегка прикрытый песком пол, присыпав им брови и ресницы, и опёрлась на подбородок, чтобы осмотреться. «Это коридор? Я на суше?» – спросила она себя. Затаив надежду, она сквозь силу оторвала голову от пола, поднялась на колени и, посмотрев вперёд, резко испугалась – перед её глазами проплыла рыба. Маленькая жёлтая рыбка. Энни отшатнулась, ударившись спиной о стену, слегка подняв мелкий песок вокруг себя. От удара голова запульсировала, и Энни вскрикнула от боли.

– О, ты очнулась! Я уже думала, что ты умерла, – сказала, выходя из поворота в конце коридора, темноволосая девушка с только что аккуратно убранными в хвост волосами. Голос её казался удалённым, и Энни поначалу списала этот звуковой эффект на головную боль.

Энни, испуганная, посмотрела на её лицо. Она припоминала эту девушку. Она была с ней на корабле. Она повернулась, чтобы посмотреть на рыбу, но никакой рыбы не было, вновь перевела взгляд на девушку с хвостом: её лицо выражало просто невообразимое спокойствие, а тонкие губы с фиолетовым ободком расходились в стороны в едва уловимой улыбке. Она улыбалась!.. У неё была узкая голова и узкие глаза, латеральный край век смотрел вверх на высокие брови, тонкие как нитка (естественные тонкие брови). Волосы были убраны назад в хвост с такой силой, что голова должна была болеть и у неё, однако пара локонов вместо чёлки огибала уши спереди и без напряжения вплеталась в хвост с двух сторон. Сам хвост спускался спереди между её грудей, которые треугольниками смотрели в стороны. Она была одета в чёрную обтягивающую майку, чёрные обтягивающие джинсы и чёрные кеды с белым носком. Ей очень шёл чёрный цвет, он подходил к её глазам и волосам. Под грудью справа майка была порвана, оттуда смотрела небольшая рана, из которой уже перестала идти кровь.

– Где мы? – спросила Энн, держась за голову, всё ещё сидя у стены. Её голос был очень-очень тихим, почти не различимым, и она повторила сильнее, она крикнула, но всё равно с её губ сорвался только еле уловимый шёпот: «Где мы?»

– На корабле.

– Но я же тонула... это не похоже на наш корабль, – удивлённо сказала Энни.

– Верно.

– Где мы? Нас спасли?

– Нет, – жёстко отрезала девушка, и улыбка сплыла с её лица.

– Мы же живы? – уставилась Энн, и говоря утвердительно, и спрашивая одновременно.

– Разве ты не видишь, что мы в воде? – нахмурилась девушка. Из-за её спины выплыла чёрно-серая рыба.

– Что произошло? Что происходит?

– Ты тонула, меня заставили прыгнуть за тобой, чтобы вытащить тебя, но, когда я настроила стабилизаторы, было поздно. Нас оставили тонуть, – девушка теребила свои пальцы, вспо-

нив, как тяжело ей было держать Энни, – На дне был корабль, ну я и занесла тебя внутрь. Я не надеялась, что мы выживем. Я не знаю, почему мы живы, однако, это так. Мы каким-то образом можем дышать.

– Но на тебе нет стабилизатора! – возразила Энни, глядя на солнечное сплетение девушки.

– На тебе тоже нет.

Энни осмотрела себя – стабилизатора действительно не было. Она посмотрела на песок, взмахом руки над полом подняла его в воде – он оседал медленно.

– Действительно, вода, – еле различимым шёпотом сказала Энни, хотя по стараниям это было похоже на крик – она напрягалась каждой мышцей, чтобы говорить, и её лёгкие изо всех сил пихали воду к голосовым связкам, чтобы выбить из них хоть каплю звука.

– Не пробуй дышать ртом.

– Что?

– Ты просто наглотаешься воды, если будешь дышать ртом, дыши только носом, не глотай воду, она солёная. Слегка, что странно.

– Что за чушь? Как это работает? Как мы... можем дышать?

– Не знаю. У меня такое ощущение, что мы находимся внутри одного большого стабилизатора. А на счёт наших стабилизаторов – они сломались. Мой прибор поранил меня, – сказала девушка, показывая разрыв на майке.

– Сломались?

– Они лопнули.

Наступила пауза.

– На какой мы глубине? – Энни начала понимать суть происходящего.

– 208 метров.

– Тлен... – Энни схватилась за лицо, закрывая глаза. На языке был слабый вкус соли.

– Мы ещё живы, это уже кое-что.

– Как тебя зовут? – спросила Энни.

– Я первая хотела спросить. Что ж, не судьба. Маддалена. Меня зовут Маддалена, с двумя Д.

– Маддалена? – усмехнулась Энн, – Что за имя такое? А фамилия? Фамилия тоже интересная?

– Миран. Маддалена Миран. Это итальянское имя. А твоё?

– Энн. Меня зовут Энн Стерн.

– Приятно познакомиться, Энни, – ухмыльнулась Маддалена, – Мад, Мадди, Мадда, только не Лена.

– Хорошо, Мадди, – мрачно усмехнулась Энн.

– Вставай, осмотрись, это будет полезнее, чем то, что я тебе наговорю.

Энни поднялась, пока Маддалена уходила. Она осмотрела свою одежду: голубые джинсовые бриджи с бахромой и голубая кофточка с полупрозрачным горлом и рукавами в три четверти с красивым узором были не просто в порядке, а в воде смотрелись как-то особенно. Резиновые сандалии, охватывающие лямкой лодыжку, были при ней.

Девушка посмотрела вперёд: коридор был молочно-белого цвета вперемешку с серым, в конце коридор заканчивался стеклом иллюминатора. Пол был покрыт резиной, бывшей когда-то водонепроницаемой. На нём лежал песок, где-то пробивался металл. Пол был крепкий. Потолок был выкрашен белой краской, которая очень хорошо сохранилась, а на потолке... На потолке горели лампы. Лампы, которые сохранились, излучали свет! На миг удивление мелькнуло в глазах Энни, но интерес быстро перешёл в ухмылку: «Воздух из воды, отсутствие давления, электричество, тепло... Что ещё тут есть, на этом судне? Тепло... И правда тепло. Раз есть электричество, значит, есть и отопление? Откуда? Мадди включила? Но как

оно вырабатывается? Как в портативном стабилизаторе? Портативный стабилизатор работает на водородном двигателе и получает энергию... из воды! Но как такой большой стабилизатор мог сохраниться здесь? Сколько лет этому кораблю?» – вопросов было больше, чем ответов. «Это же великое изобретение!» – справедливо заметила Энн. Она пошла прямо, чтобы заглянуть за это стекло в конце коридора. Слева располагались двери нескольких кают, справа находился ещё коридор с дверями кают, смотрящих друг на друга. Энни прошла дальше по коридору. Теперь слева была лестница, ведущая вверх и вниз, а справа зеркало с отколотым краем. Энн подошла к нему: на нём были следы от рук Маддалены – она протёрла его рукой, чтобы посмотретья, а на краю зеркала, где оно было отколото, остался след от резинки для волос, своими складками напоминающий невидимого червяка.

Энни взгляделась в своё лицо: над голубыми глазами, на лбу справа зияла звездой рана. Такая рана оставит шрам на всю жизнь. Энни ужаснулась и сморщилась, теперь её лицо испорчено! Шрам на лице для девушки – катастрофа. «Что может быть хуже?» – подумала она, – «Ах, да! Сдохнуть здесь из-за каких-то придурков!» Энни ударила ладонью по зеркалу, и от него откололся ещё один кусок и опустился вниз. Она вздрогнула и успокоилась, вглядываясь в рану в виде четырёхконечной звезды, два боковых луча которой слегка смотрели вверх. Рана была трёхсантиметровой и располагалась сразу над началом правой брови. «Что ж, лучше её не трогать», – успокаивала себя Энни, – «Может, затянется». Она пошла дальше. Почти у иллюминатора справа был расположен ещё один коридор, зеркальный к предыдущему. Слева был расположен мужской туалет с позолоченным писающим мальчиком. Из любопытства Энни открыла его, по привычке нажав включатель. Свет замигал в туалете со звуком, напоминающим хруст, и включился. В унитаз забрался краб и убежал в слив. Энни хихикнула, но, разворачиваясь, вновь уставилась в зеркало туалета, посмотрела на свой лоб и поморщилась. Она закрыла дверь и выключила свет, слегка улыбнувшись.

Она подошла к иллюминатору, коснулась его кончиками пальцев и посмотрела вдаль, в море. Где-то вверху синева становилась чуть голубее, но поверхности воды она не видела. Внизу уже было слишком темно, да и высоко, чтобы разглядеть дно. Кончики пальцев замёрзли от холодного стекла. Энни нежно обхватила их другой рукой, поднесла к губам, сделала глубокий вдох и попыталась подуть на пальцы, но с губ сплывала только вода...

Глава 4: палуба №5

Порой, в минуты отчаяния, когда духовные силы, все силы твоей сущности падают на самое дно, не видя света в наступающей ночи и выхода из собственного плена, на помощь приходят те, о ком мы не думаем, как о спасителе, те, кто застаёт нас врасплох тогда, когда это меньше всего нужно, те, кто нас так часто раздражает, те, кто действительно показывает нам, что мы живы – наши потребности...

Каждая такая потребность, не находя успокоения, становится отдельной личностью, и диктует свои условия.

И вот в этом отчаянии, медленно опуская вниз руки от стекла иллюминатора, Энни почувствовала лёгкий голод, и поняла, что ещё жива. Вновь посмотрела на холод за стеклом, стоя по другую, светлую и тёплую сторону корабля, она подумала о том, что меньше всего сейчас она хотела бы находиться на другой стороне. Пришло нестабильное – но всё же – чувство успокоения, и Энни, расслабившись, отошла от стекла.

Голова болела, но уже со светлыми промежутками, и в это время просветления Энни пришла мысль осмотреться. Она прислушалась – тишина и «шум моря» из ракушек царили в её ушах, и это успокаивало, даже убаюкивало.

Энни подошла к одному из коридоров, которые теперь находились от неё по левую сторону, и инстинктивно – осторожно и тихо – заглянула за угол. Мадди было не видно. Четыре двери слева на сплошной стене и три справа, разделяющиеся другими узкими коридорами предстали перед ней, как 7 дорог, и все они были закрыты. Девушка подошла к первым двум дверям: №505 и №506, двери были закрыты на ключ и не поддавались. Когда-то слегка полная и белая рука пышной дамы, которую сопровождал шустрый муж, повернула ключ с рукояткой в форме клевера-четырёхлистника в замке и закинула его в сумочку, а сама счастливая пара направилась в торжественный зал корабля, и с тех пор эта дверь не видела своего ключа.

Энни сделала ещё пару шагов, и справа оказался узкий коридор, коридор без дверей, упирающийся в другой коридор. Когда-то белые стены с лепниной украшали картины и зеркала, стёкла которых и рамы устилали теперь пол, а содержимое картин давно съела вода, оставив лишь обрывки грязной, некогда промасленной ткани. На стенах остались лишь крючки, некоторые из которых были оторваны. На месте одного из крючков была дыра, из которой исходила темнота – свет в номере не был включён. Она пошла дальше, чтобы не заблудиться.

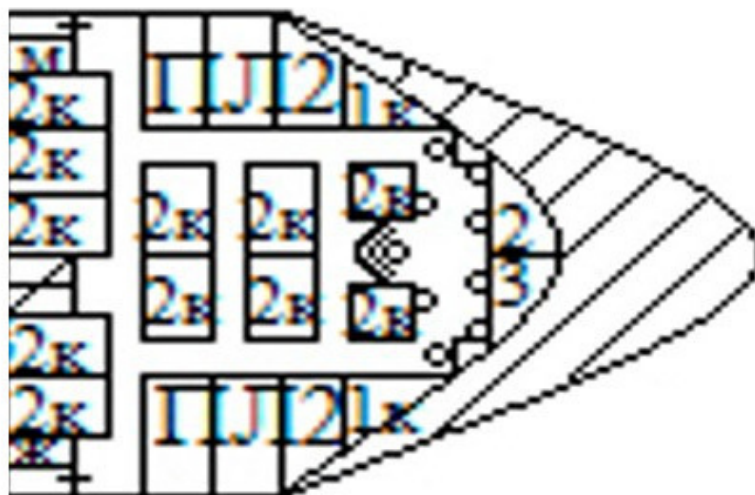
После пары шагов её вновь окружили закрытые номера – 509 и 510. Ещё через пару шагов справа оказался коридор без дверей и с разбитыми стёклами, как и пару шагов назад, словно Энн попала в дежавю. Она даже обернулась, чтобы убедиться, что это не так. Следующие номера, 513 и 514 тоже были закрыты. Оставался один номер и один коридор, ведущий направо. Энни подошла к двери и тихо обхватила ручку, чтобы открыть её, но увидела свет, выбивающийся из-под двери, и услышала лёгкий шум. Мадалена ходила по комнате, и Энни пока не стала в неё заходить.

Она отпустила позолоченную литую ручку двери с загнутым концом и обернулась: коридор вёл к небольшому залу. Слева в углу стоял треугольный стол, на котором были видны свежие отпечатки рук, а на полу возле него осевшей в воде то ли пылью, то ли песком было отмечено место, где он лежал. Значит, Мадди подняла его. Возле стола стояли толстые деревянные лакированные резные стулья. Энни, посмотрев в направлении зала, ступая тихо в своих резиновых сандалиях, подошла к нему. Маленькое открытое пространство собственно состояло из 6 вещей: круглого пустого стола, дивана с красной обивкой, поглощающего стол в форме буквы С, двух дверей персонала напротив и двух стульев, идентичных предыдущим, по сторонам от дверей. Стол и диван, будучи деревянными, местами были сильно испорчены, показывая в разные стороны шипы-занозы, как неприветливые морские ежи. Энн обежала их взглядом

и подошла к двум дверям с круглыми белыми ручками. К верхней части их были прикручены таблички. Надпись на левой двери гласила: «Парикмахерская», а на той, что справа: «Ателье». Энни подошла к первой двери, обхватила тонкими пальцами круглую ручку и повернула – та поддалась. Заржавевший замок заскрипел и стяхнул с себя кучу ржавчины в дверной проём, которая стала бурым пятном оседать в воде. Девушка потянула дверь на себя, и она открылась. Свет из маленького зала осветил часть помещения. Энни пока не хотела туда заходить, а лишь просунула сначала свою рыжую голову внутрь, затем тонкую руку и суетливо пошарила по стенам, как мелкий воришка, в поисках выключателя. Найдя выключатель, она нажала на него, но свет не появился. Энни оглядела то, на что падал луч света: напротив резного широкого зеркала трюмо стоял высокий железный ржавый стул с хорошей кожаной обивкой. На столике трюмо лежали разные ножницы и бритва, расчёски и невидимки. Они спешно забились когда-то в его высокий угол. На паркетном полу, ещё сохранившем интересный рисунок, лежала упавшая со стула накидка. Энни посмотрела налево, в темноту. На фоне большого иллюминатора прослеживался силуэт ещё одного стула. Проскользнув глазами по комнате напоследок, она аккуратно закрыла дверь. Голова снова запульсировала, отдавая в рану. Энни присела на корточки и опустила голову вниз, чтобы немного её успокоить и отдохнуть.

Она встала, сделала носом глубокий вдох воды, подошла к следующей двери, стала поворачивать ручку. Та немного скрипнула и повернулась, но её заело. Энни с силой дернула её, и она повернулась ещё немного, глухо скрипя в воде. Дёрнула снова, но руки соскользнули с ручки. Энн постояла, немного отдышалась, встала напротив двери, сжав ручку руками с обеих сторон, и изо всех сил дёрнула – замок скрипнул и открылся, дверь распахнулась прямо на Энни, нарушая её хрупкое равновесие. Девушка, падая, вцепилась за ручку сильнее, чтобы удержаться на ногах, но верхние петли с двери слетели, и Энни приземлилась на мягкое место, а дверь накренилась наружу. Она оказалась сидящей перед тёмной комнатой с жутко накренившейся дверью, которая мешала свету проникнуть внутрь. Энни встала, отряхнулась, подошла к темноте и, быстро сообразив, где находится выключатель, засунула руку в темноту и щёлкнула пальцами по нему. Свет включился. Энни перестала слышать шум сердца в ушах и головную боль – комната выглядела совершенно приветливо. Перед двумя белыми трюмо стояли два высоких стула, как в парикмахерской. Перед иллюминатором стояла чугунная швейная машина, рядом стоял манекен без головы в недошитом мужском костюме, привинченный к полу. На паркете лежали обрывки ткани. Слева от машинки стоял шкаф. Дверь его была сделана из зеркала, которое наполовину облупилось с другой стороны и превратилось скорее в стекло, за которым можно было разглядеть кучу ткани. Рыжая осмотрелась, немного улыбнувшись, щёлкнула выключатель и вышла из комнаты. Рыжая приподняла дверь вверх и поставила её на место.

Помыв руки перед собой и развернувшись, она увидела на стене поблекший и неприметный план эвакуации, который сейчас не мог использоваться по назначению, ибо выход был, как разглядела Энни, там, откуда они попали сюда – в начале коридора. Однако Энни поняла устройство палубы №5: главный коридор, который заканчивался двумя эвакуационными выходами с его концов, посередине имел связь с лестницей, сообщающей 3 палубы, и двумя коридорами, идущими параллельно и соединяющимися тремя маленькими коридорами, крайний из которых и образовывал этот маленький зал, в котором сейчас находилась Энни. Все помещения палубы были отмечены значками, и представляли собой, согласно плану, номера первого и второго класса и номера «полулюкс», оставшиеся 4 помещения представляли собой 2 помещения персонала и 2 туалета. Таков и был план нового пристанища Энни и Маддалены.

Энни прошла до конца коридора, и прежнее чувство дежавю охватило её: перед ней открылся коридор с семью дверьми. Она пошла по нему, проверяя, не открыт ли какой-нибудь номер, и два из них, №515 второго класса и №512 класса «полулюкс» были открыты. Рыжая зашла сначала в номер 515. Свет не горел, да и не нужно было. Номер был очень маленьким, для одного человека. В нём стояла узкая кровать у стены, комод, шкаф, столик, зеркало и кресло. На столике и вокруг него лежали открытые консервные банки и бутылки. Куча разволокнённой одежды лежала на спинке кресла. Кровать была небрежно заправлена, немного перекошена. Под ней были расположены два ящика. Энни открыла их. Один ящик был пуст, во втором лежала ткань пустой сумки. В старом полуразвалившемся шкафу лежали тряпки вперемешку с опилками.

Следующий открытый номер. Энни зашла внутрь и включила свет. Загорелась тёплым жёлтым светом одна из лампочек. В номере было заметно теплее, чем в коридоре. Очень много вещей сохранилось: двухместная кровать с огромной периной из плотной ткани, ковёр, трельяж, комод, шкаф, стол. Слева была маленькая дверь, а на дальней стене, к которой почти вплотную была приставлена кровать, размещался большой целый иллюминатор. Глядя на это изящество, Энни даже забыла, что эту комнату наполняет вода. Только на ковре лежали стёкла от вазы и маленького зеркальца и другие женские вещицы. Энн открыла маленькую дверь и оказалась в маленькой уборной с туалетом, душем, и раковиной с сохранившимся над ней большим зеркалом. Она посмотрела на своё отражение и к своему удивлению нашла его довольно спокойным. Она вернулась в номер, оглядела его, подумав: «Неплохо», – выключила свет и вышла. Она посмотрела на дверь, чтобы запомнить каюту, в которую хотела вернуться, и, описав заново неполный первоначальный круг по палубе, подошла к двери Маддалены.

Она постучала в дверь, смотря на свет, пробивающейся из-под неё. За табличкой с цифрой «517» послышался глухой голос, но Энни его не разобрала и постучала вновь.

– Я сказала входи, Энни! – очень громко сказала Маддалена, но для Энн её голос был шёпотом, перекрываемым шумом воды. Она опустила конец позолоченной ручки вниз, и дверь открылась. Энни зашла в каюту, которая была меньше и менее «роскошной», чем предыдущая, и главное, в ней не было иллюминатора.

– Что делаешь, Мадди? – неловко спросила Энни. Темноволосая девушка загадочно улыбнулась и протянула Энни что-то бело-розовое.

– Возьми, съешь это, – в тонкой ладони лежал кусочек разделанной рыбы.

– Она что, сырая? – Энни недоверчиво, но заворожённо рассматривала его.

– Ничего не поделаешь, представляешь, на этом корабле совершенно нет огня! А так я бы конечно её пожарила для тебя! – съязвила Мадди. Энни взяла сырую солёную рыбу и сразу начала её жевать. Кусочек казался ей очень вкусным.

– Как ты поймала её? – спросила Энн.

– Это не составило труда – здешние рыбки не очень-то сопротивляются, словно оглушённые.

– Оглушённые?

– Я полагаю, в отличие от нас, им было бы намного лучше вне стен этого корабля.

– А что насчёт этой каюты, это же номер первого класса, верно? Почему ты не размести-лась в полулюксе?

– Ты о том открытом номере? Он приглянулся тебе, не так ли?

– Да. Почему ты там не осталась? – спросила Энни, жуя рыбу.

– Знаешь... мне не нравится иллюминатор... Выглядит удручающе. Я не хотела бы смотреть в море. Это выглядит как... насмешка. Не могу объяснить.

– Я понимаю, но не разделяю твоё мнение. В комнате должно быть окно... не важно, что за ним, – сказав это, Энни сама подумала, что с последними словами она не согласна. Ещё вчера в номере, который она сняла в отеле на побережье, тоже видно было море, однако, оно видно было с суши, и не вызывало такого чувства опасности и безысходности.

– Уже поздно, пора спать, – сказала Маддалена.

– Да, пора, – согласилась Энни и осмотрела напоследок комнату Мадди, выполненную в бежевых тонах. Более простые кровать и шкаф с большим зеркалом, стол с лежащим на нём ножом и блестящими чешуйками рыбы, закрытую кастрюлю на нём и пластмассовую расчёску с зеркальцем, лежащие на тумбочке. «До завтра, спасибо... за всё», – сказала рыжая и вышла из каюты, закрыла дверь, ненадолго прислонилась к ней спиной, задумавшись о чём-то, вздохнула и пошла к себе в каюту.

Энни открыла дверь «своих апартаментов», не включая свет, зашла, закрыла дверь на ржавую щеколду изнутри, направилась в ванную и автоматически повернула кран с тёплой и холодной водой, чтобы умыться, удивилась своей глупости, посмотрела в зеркало и осторожно потёрла своё лицо в морской воде, не задевая рану. Она подошла к кровати и попыталась расстелить её, но ткань порвалась, из подушки выплыли гусиные перья и опустились на кровать и на пол. Ткань очень устарела. Энни аккуратно легла на кровать, чтобы не порвать ткань ещё сильнее, свернулась клубочком и, рассматривая темноту иллюминатора, устало зевнула и провалилась в сон.

Глава 5: последнее желание

Энни не снилось ничего. Совершенно. Её хрупкое тело просто копило энергию, как батарея. Она даже ни разу не сменила позу. Однако, как только её сознание начало включаться, через темноту покоя она поняла, что что-то не так... Жарко... Очень жарко. Она проснулась резко, случайно проглотив воды, и начала откашливаться. Посмотрела на руку, которой прикрыла рот, и увидела, что она ярко-розовая. Энни вскочила и побежала в ту сторону, откуда шла тёплая вода – она шла из-под двери в ванную. Девушка открыла дверь на себя, и на неё хлынул тёплый, на грани с горячим, поток, захвативший и убравший назад её рыжие волосы. Рана заболела. Энни вбежала в ванную и закрыла кран с горячей водой, постояла, стараясь отдышаться, обжигая струёй воды лёгкие, подумала о произошедшем, и её взгляд остановился на кране: оттуда выплывали мелкие пузырьки воздуха, и поток холодной воды дошёл до лица Энни. У неё сложилось ощущение, будто она высунула лицо из тёплого окна в прохладную погоду. Энн поднесла пальцы правой руки под кран, и её руки заледенели. «Вода... из крана течёт вода!» – удивлению не было предела. Корабль поражал её всё больше... и пугал. Кран выплюнул кусок ржавчины, который красным облаком осел в раковине. Энни поднесла губы к этому холодному потоку, её глаза широко раскрылись, полезли на лоб, зрачки сузились, руки задрожали, и она со всех сил рванулась к двери своего номера так быстро, насколько быстро она могла бежать в воде. Рыжая дёрнула дверь, забыв про цепочку, сняла её, выбежала и, оставив дверь открытой, побежала к двери каюты Маддалены. Она кричала и колотила по двери со всех сил, пока та не открылась и из дверного проёма не показалось сонное лицо Мадди, волосы которой, тем не менее, уже были убраны в хвост.

– Что такое, Энни? Маленькой Энни приснился кошмар? – съязвила она.

– Ты должна срочно пойти со мной! Ты должна это увидеть! Немедленно!!! – Энн схватила девушку за руку, другой рукой оперлась на стену у двери, и начала её вытаскивать за порог.

– Ладно, ладно... Только не суетись, прошу, – Маддалена вышла и закрыла дверь.

– Быстрее! – настаивала Энни.

– Всё, что должно было случиться, уже случилось. К чему эта спешка? – спросила Мадди, но Энни уже скрылась за поворотом в конце коридора. Она неторопливо прошла мимо зала со столом и диваном в форме буквы С, повернула за угол и увидела переминающуюся с ноги на ногу Энни, закусившую подушечки пальцев правой руки.

– Грызть ногти – плохая привычка.

– Да я не грызу!.. Проходи скорее! – Энни взяла за руку Маддалену и отвела её в ванную. Они встали перед краном. – Чувствуешь? – спросила Энн.

Лицо Маддалены озарилось, и даже не светом лампы, хотя та светило хорошо, а каким-то своим, собственным светом: «Пресная вода...» – сказала она. Темноволосая посмотрела на Энни, которая с глупым видом, широкой улыбкой и блестящими глазами смотрела на неё и, противно поморщившись, выдала: «Ну и шрам». Энни перекосило, она уткнулась в зеркало, разглядывая уродовавшую её звезду. Тем не менее, выглядел он получше, чем вчера. Мадди тем временем поднесла губы к раковине и сделала глубокий и долгожданный глоток воды, автоматически вытерев подбородок ладонью.

– Теперь от обезвоживания мы не умрём, что несказанно радует, – ехидно, но весело, сказала она, – «попей и приходи ко мне через десять минут», – сказала Мадди и вышла из комнаты. Энни в ступоре стояла посреди ванны, всё ещё отодвинув правой рукой волосы вверх.

Энни попила, загнув набок голову в раковине и неуклюже обхватив губами кран. По языку прошла вода со вкусом ржавчины, который никак её не ухудшил. Она оставила краны немного открытыми, чтобы они разбавляли соль в её номере, но дверь в ванную всё же закрыла. Рыжая нашла гребень и небрежно расчесала свои кудри, поломав пару зубчиков.

Энни посмотрела в иллюминатор – вода немного посветлела, но всё же оставалась тёмно-синей. Она вышла из номера и направилась к главному коридору, вспомнив, что не посмотрела, открыты ли номера со стороны лестницы.

Энни встала ровно на том месте, где вчера пришла в себя, проворачивая в голове все события вчерашнего дня. Низ её живота потянуло от возрастающей тревоги и нарастающего желания отлить. Она могла бы быть сейчас совершенно в другом месте, там, наверху, и не подозревать, как на самом деле прекрасна её жизнь... или могла бы быть мертва, если бы не Маддалена... Отбросив мрачные мысли и сильно цокнув языком по нёбу, она посмотрела на левую стену коридора. Пять кают второго класса смотрели невзрачными дверями в проход.

«Номер 504 – закрыт, номер 503 – закрыт, далее следующие за лестницей номера: номер 502 – закрыт, номер 501 – закрыт, номер 500...» – думая про себя, Энни подошла к номеру, расположенному слева от мужского туалета: «открыт...». Небольшая простая дверь открылась от себя. «Чтобы людишки низшего класса не загромождали своими дверями проход господам», – подумала Энн. Свет не включался, но комната была настолько маленькая, что свет из коридора почти полностью её озарил, однако, несмотря на размер, этот номер был для двоих – две узкие кровати стояли по сторонам от стены напротив. Всё было покрыто жижей зелёных водорослей и песком. Пол сгнил. На нём у стены были видны следы двери, значит, она была открыта всё время, и кто-то закрыл её только сейчас. У кровати стояли развалившиеся тумбочки, слева стоял шкаф, справа стоял стол и что-то бывшее стулом, а на полу – осколки зеркала. Из-под правой кровати выглядывала большая кожаная сумка. Энни аккуратно прошла по скрипящему полу, села на корточки, стряхнула водоросли с сумки и открыла её: в сумке лежал старый полароид с раскиданными вокруг фотокарточками, разобрать которые было невозможно. Одна карточка, однако, была заламинирована, и на ней была изображена семья: муж с женой и их маленькая дочка на руках у отца. Энни отложила её в сторону. Далее на дне сумки лежали объективы для других камер и другие «фотографические примочки», как подумала Энн, а на самом дне лежал кожаный кошелёк. Энни взяла его в руки. Он выглядел как новенький. Девушка повернула защёлку и увидела в кошельке два пластмассовых чёрных цилиндра с крышками. Она открыла один из них, и её радости не было предела, словно ребёнку на Рождество подарили долгожданный подарок – к стенкам цилиндра был прижат негатив фотоплёнки. От цилиндров вверх поднялись два пузырька воздуха и скрылись в щелях потолка. Энни просунула внутрь указательный палец и, придавливая фотоплёнку к стенкам цилиндра, достала её и раскрутила: лента была длиной полметра. Энни скрутила её, положила в цилиндр, и оба цилиндра и заламинированную фотографию положила в кошелёк, а его взяла с собой, встала, оглядела комнату. На другой кровати лежал открытый Маддаленой чемодан с одеждой – она была мужская. Вероятно, Мадди искала замену своей футболке.

– Энни? – еле услышала она голос Мадди и положила в чемодан кошелёк. – Ты где пропала? – спросила появившаяся в дверном проёме узкая фигура.

– Да так, рылась, – протараторила Энни, хихикнув, как глупый ребёнок.

– Давай скорее, – процедила Маддалена, выходя из комнаты.

– Уже иду, – Энни взяла кошелёк и проскользнула мимо уходящей Мадди за спиной, забежала в свой номер, сунула кошелёк под подушку с вновь расплывшимися перьями и направилась к Подруге.

Энни в буквальном смысле слова осмелилась открыть дверь без стука, словно таким образом она выходила на новый уровень общения с Ней. Открыв дверь на ширину ладони, она остановилась, подумав, на сколько на самом деле Мадди её старше, неуверенно приоткрыла дверь ещё и просунула голову внутрь, неуклюже заваливая тело на бок и опираясь обеими ладонями на дверной косяк.

– Входи уже, раз вошла, – с растворившимся в воде тяжёлым выдохом сказала темноволосая девушка со строгим лицом, и до Энни дошёл этот беззвучный выдох, повиснув в ушах тяжё-

лым немым грузом. Она неловко просочилась в комнату, не открыв полностью дверь, и аккуратно закрыла её позади себя, виновато уставившись на Маддалену.

– Не хочешь перекусить? Хотя рыба солёная... и сырая. Я бы сказала «как обычно», – иронично сказала Мадди, открывая стоящую на столе кастрюлю. Из неё на мгновение выплыли жуткие головы рыб, перекошенные от ужаса смерти, некоторые из которых начали подгнивать, и мелкие бледные разделанные кусочки мяса с красными прожилками лопнувших сосудов. Мадди быстро схватила разделанные кусочки, закрыла резко кастрюлю с высоким металлическим звуком, и, припевая, повернулась к Энни, посмотрев на неё своими чёрными глазами через узкий разрез век. «Ваш завтрак, сэ-э-э-эр», – язвительно, но весело сказала она, отдав Энн 3 кусочка.

– М-м, да, живём небогато, – не заметив, съязвила Энни, и на мгновение поймала волну своей Подруги. Тонкие губы Маддалены растянулись в широкой улыбке.

– Хочешь погулять со мной? – от такого предложения Энни чуть не подавилась... от страха. Она знала, о чём хочет заговорить Мадди, но разум отталкивал от Энни образ этой лестницы, соединяющий 3 палубы. «Мы всё уже обнюхали здесь, не находишь?»

– Да, – неуверенно сказала Энни, на самом деле желая возразить.

– Отлично, дожуём «жвачку» и пойдём выше, – сказала, улыбнувшись, Мадди. Энни опять подавилась, у неё засосало под ложечкой. «Почему выше?» – думала она, – Ведь выше, вероятно, много разбитого стекла, там же палуба, которая планировалась над ватерлинией, это ежу понятно! Какое там будет давление?»

Энни разволновалась, однако ничего не сказала Мадди, а просто решила держаться позади неё. Они доели свой завтрак, хотя, конечно, понятия не имели, сколько сейчас времени, и двинулись в путь, выйдя из каюты и повернув направо по коридору, минуя мигающие лампы и узкие «разбитые коридорчики». Энни держалась в метре позади от Мадди. Они вышли в главный коридор и подошли к лестнице, стоявшей между каютами второго класса.

– Ну, вперёд! – воскликнула Маддалена, и Энни показалось, что она хочет пропустить её вперёд. Она в страхе пыталась придумать оправдания, когда Мадди с сомнением подалась вперёд и начала медленно подниматься, осыпая ржавчину на палубу ниже, куда-то в темноту. Энни с дрожью посмотрела вниз, пытаясь разглядеть что-то в темноте, которую, казалось можно потрогать, и испугалась, когда Она резко окликнула её сверху: «Ну что, трусишка, пойдём?»

– Ничего я не трушу! – воскликнула Энни и, покраснев, взлетела на шестую палубу так быстро, что, казалось, лестница сорвётся с петель, и красное облако ржавчины, отделившейся от лестницы, поглотила темнота нижней палубы.

Они стояли в синеве просторного помещения. По бокам от задней стены располагались стеклянные двери в стеклянной стене. Стёкла были выбиты, и создавалось ощущение, что дверные рамы парят в «водовоздухе», лишь некоторые осколки остались злобно торчать в проёмах, словно зубы. За этими стеклянными ртами располагалась прогулочная палуба, огороженная металлическими бортами, состоящими теперь из каких-то полипов, сталактитов и сталагмитов, а за этим морским барьером было море, бесконечное и синее, словно барьер этот ограничивал вселенную человека, за которой простиралась, окутывая, другая вселенная – вселенная воды...

– Нигде не видишь выключатель?

– Нет, – ответила Мадди.

В помещении располагались ещё 4 двери: одна, похожая на боковые двери и выделяющаяся на фоне всего остального, вела на капитанский мостик; две двери из хорошего массива дерева вели в каюты, расположенные по бокам, а железная закрытая дверь позади вела в центральную часть корабля.

– Штурманская рубка, – сумничала Мадди.

– Что?

– Помещение со всякими картами и инструкциями, – пояснила она.

Действительно, в центре помещения стоял стол для раскладывания карт, окруженный разбросанными обломками стульев. Плохо сохранились некоторые небольшие шкафы, хранящие некогда всякие бумаги. Другие же почти исчезли. К стенам были прибиты всякие схемы, сохранившиеся под толстым стеклом и к тому же заламинированные, однако неразличимые без света.

– Так уютно, ещё бы свечку сюда для романтики, – ухмыльнулась темноволосая.

Энни почувствовала покалывание в руках и ногах, и до неё дошло, что чем дальше они отходят от лестницы, тем выше давление воды. Даже стабилизатор не может справиться на таком сообщающемся с морем пространством. Ей захотелось взять Маддалену за руку, почувствовать её тепло, чтобы ушёл страх, но темноволосая пошла вперёд.

Маддалена неторопливо и спокойно подошла к двери рулевой рубки и прошла сквозь неё, стараясь не зацепить осколки-зубы. Энн последовала её примеру. Перешагивая дверную раму, она почувствовала, что давит ещё сильнее, будто её закутали в сырое холодное одеяло. Она стала дышать маленькими частыми вдохами, чтобы уменьшить давление воды в лёгких. Казалось, поток молекул кислорода распирает и одновременно сдавливает сосуды альвеол. Немного закружилась голова. А Мадди шла дальше.

Она подошла почти вплотную к застеклённой передней переборке, смотря через разбитые окна в высь, словно в небо, и улыбнулась самой тёплой улыбкой. Позади неё был расположен стол с оборудованием, вмонтированными мониторами, рубильниками и кнопками, покрытый водорослями так, будто весь этот стол накрыли зелёным ковром, как будто кто-то ограждал экипаж от суеты и работы, подталкивая их к вечному отдыху – они заслужили покой. Посередине возвышался железный штурвал, который теперь нельзя было прокрутить ни на дюйм, а позади стояло высокое кожаное кресло капитана на металлической ноге.

Позади кресла стоял ещё один стол с оборудованием. Он был поменьше, но за ним стояло пять кресел, пускай и не больших. В центре стояло высокое кресло старпома. Кресла были наклонены в стороны, а стол так же был покрыт ковром. На деревянном, скрывающем железо полу лежал песок. Кое-где зазубринами проглядывали ракушки, лежали камни. Разбитые облизанные до гладкости стёклышки слабо поблёскивали в песке.

Мадди немного отошла назад и села на прогнивший пол, смотря сквозь разбитые стёкла переборки вверх, согнув ноги в коленях, скрестив легонько пальцы рук и выставила их вперёд, положив плечи на чашечки. Хвост опустился ровно вниз. Энни подошла к ней и неуклюже села рядом, в пол-оборота, опершись на руку.

– Знаешь, – начала Маддалена, – я была уверена, что умру, когда опускалась на дно. Я была уверена, что умру, когда увидела этот корабль, и была уверена, что умру, когда забиралась в него. Я смирилась. Но только с одним мириться я не хотела – я не хотела умирать вот так, на морском дне на корм рыбам! Я хотела, как человек, умереть в творении человека, и, увидя корабль, я обрадовалась. Радость со смирением смерти... Всё, чего я хотела, так это умереть тут, на капитанском мостике, здесь, где стоял капитан, у штурвала... Это было моим последним желанием... Энни, прошу... если я умру раньше тебя, я прошу... принеси меня сюда, чтобы моё последнее желание исполнилось.

Энн промолчала. Не надо слов, чтобы понять, что она, поникнув, согласилась. Они долго молча сидели, обнятые сжимающей лёгкие водой, и смотрели вверх – в синеву далёкой поверхности, и словно чувствовали, как кипела тут жизнь, как отдавались приказы, нажимались кнопки и шелестели карты.

Корабль

Отправляемся в путь, в путешествие мы,
Оставляем все мысли совсем позади.
Ни забот, ни хлопот, ну а впрочем
Пусть волнуется дико, кто хочет.
Волны плещут, таранят корабль,
Создавая трёхмерный ансамбль.
Наши души уже не такие сухие,
И наш дом теперь это морские,
Столь далёкие ветры, просторы.
Не нужны теперь звёзды и горы,
Не нужна под подошвой нам суша.
Лишь вода и в телах наших, душах,
И на сердце сплошная вода на века.
Так какие же мысли мы прячем в устах?

Океан —

Капитан.

Паруса —

Чудеса.

Глубина.

И до самого синего дна,

И с поверхности моря

Не найдёте прибоя,

А желание жить

И любить.

Вскоре они разошлись по своим каютам. Каждый занимался своими делами. Мадди тщательно готовила ужин, аккуратно вынимая каждую косточку из солёных кусочков, потом «сметала» пыль, и даже подмела пол. Энни искала способ сходить в туалет. В итоге она сняла с себя всю одежду, зашла в душевую кабину, справила нужду, включила кран в ней, вышла и закрыла её снаружи, чтобы в ней циркулировал поток воды. Стоя в ванной она помылась, потом вышла, еле-еле натянула на себя сырую одежду и отправилась на поиски какой-нибудь бутылки, и нашла целую бутылку с ржавой крышкой из-под какого-то алкогольного напитка в шкафу открытой каюты второго класса, помыла и набрала в неё холодной пресной воды из-под крана. Затем она поужинала у Мадди и снова пошла к себе. За этой мелкой суетой и пролетел этот день.

Глава 6: погружаясь в темноту прошлого

«Нет! Только не рыба!» – думала Энни в полудрёме. Отвратительно, конечно, но с голоду всё что угодно сойдёт. Она тяжело проснулась, открыла глаза, скучающе оглянула комнату. «Роскошная, конечно, но уж лучше моя маленькая комната дома. Дома... Я больше никогда не вернусь туда... Интересно, меня уже объявили погибшей? Или ведут поиски?.. Конечно, объявили... Первый день – я очнулась и расхаживала тут, второй день – ходили наверх, третий день – сегодня. Интересно, меня сегодня похоронят... родители... или завтра?»

Энни села на кровати и уткнула лицо в ладони. Плакать под водой невозможно... «Надо что-то делать, лишь бы не сидеть так. Надо о чём-то думать, размышлять, бродить, занять себя чем-нибудь, чтобы эти мысли не разъедали мне голову. Только чем? Всю палубу обрыскали – двери заперты. И капитанский мостик тоже. Палуба ниже?» Энни почувствовала трепет, отодвинула ладони от глаз и уставилась вдаль через них, размышляя. «А что ещё делать?»

Она попила воды из-под крана, умылась, справила нужду в душевой кабине, негодуя по поводу того, как долго после этого нужно одеваться, расчесала волосы, взяла бутылку с водой, ржавый нож и вышла из каюты, неслышно закрыв её. Подойдя к лестнице, она посмотрела в эту вязкую темноту, вздохнула и пошла вниз, держа бутылку за горлышко в правой ведущей руке, а нож в левой, словно ей в голову и не приходила мысль, что ей понадобится обороняться.

Не дойдя до конца лестницы, она поняла, что не видит ни зги, и её глаза должны привыкнуть к темноте. Она села на ступени и поставила бутылку возле себя, всё ещё держа нож в руках.

«Чем сейчас занимаются мои родители? Насколько им тяжело? А сестрёнка? Сестрёнка... Господи, как хорошо, что у меня есть сестра! Как хорошо, что мои родители не останутся в одиночестве... Умереть в 22 года, кто ж знал... Так, я ещё не умерла! Не умерла!» – Энни сжала нож. «Это чудо, что я здесь, и вполне здорова. Сколько времени мы ещё сможем продержаться здесь? Сколько времени продержится корабль?» – Энни сидела в раздумьях, подкидывая в воде нож на ладони. Темнота гладила её по лицу, поднимая маленькие прозрачные волосы. «Ни мужчины, ни детей... Но это хорошо! Хорошо... Чем меньше потревоженных сердец, тем лучше... А у Магдалены как? Я не одна. О Господи, прости меня за эгоистичные слова... слова, что я скажу сейчас, но, Господи, я так рада, что я не одна... Она не должна была прыгать за мной! Кто я ей? Спутник смерти».

Энни тяжело вздохнула и поднялась, опираясь на колени, будто весило сто тонн её худое тело. Она спустилась со ступеней и оглянулась: стен не было видно. Каким-то тайным чувством Энн понимала, что находится в очень большом помещении. Оно напоминало спортзал, где хотелось разбежаться и прыгать, прыгать, однако тьма не давала понять, где именно находилась она. «Ты ещё попрыгаешь, Энни», – пришла в голову абсурдная мысль, словно чужая. Энни почувствовала холод – видимо, отопление, как и свет, на этой палубе не включилось. Энни подняла бутылку и пошла сквозь темноту, с каждым шагом видя лучше на шаг вперёд. В голове звучала успокаивающая мелодия, которую часто играла сестра на фортепьяно. Девушка не знала, в каком направлении она идёт. Наконец она упёрлась в пустую стену. Энни потрогала её и почувствовала, что она очень гладкая, как стекло или лакированная поверхность. Рыжая посмотрела по сторонам, и справа на стене разглядела темный участок. «Дверной проём». Она направилась к нему, словно в детстве, когда играла с ребятами в подвалах, и страх прошёл. Она нащупала дверь, повернула дверную ручку – открыто. Руку с ножом просунула «куда-то туда», пару минут рыскала по стене и, когда наконец она нашла выключатель, голос сзади ворвался водным эхом в помещение, далёкий голос, заглушаемый водой и каким-то лёгким шумом, еле улавливаемым ушами рыжей: «Энни, ты играешь в прятки без меня?»

Пауза. Щелчок. Комнату и помещение, теперь бывшее позади от Энни, в момент озарил свет, неприятный, словно кто-то в 3 часа ночи хотел тебя разбудить. «В зале включился автоматически?» – подумала рыжая. Она, щурясь, оглянулась и увидела стоящую на ступенях лестницы Мадди, перегнувшуюся через неё и опёршуюся предплечьями на перила. Её ладони спокойно сжимали друг друга, её ноги были перекрещены, лицо было одновременно обиженным и заинтригованным, а черные глаза поблёскивали в ярком свете. Она спустилась.

В просторном зале теперь было светлее, чем на их палубе. Деревянный пол, прикрывающий светлую резину, через которую местами поблёскивал металл, у дальней стены переходил в мозаику, самую настоящую, голубую и синюю, изображающую море. Только несколько маленьких кубиков отсутствовали, и их места темнели на этом совершенстве, покрытом пылью и песком. По полу то там то тут была разбросана пластмассовая мебель – лежаки, столики. К потолку в некоторых местах крепились сломанные ультрафиолетовые лампы. Обычные лампы неровно мигали белым дневным светом. С одной из них свешивалась длинная водоросль. Рядом с лестницей располагалось небольшое служебное помещение. Стены в месте, где на полу начиналась мозаика, были покрыты идущей под потолок белой плиткой, которую и нащупала Энни.

Противоположная стена, которую и окружала мозаика, полукругом выступала вперёд. В ней высилась арка, так же выложенная мозаикой морского цвета. По сторонам полукруга располагались два полукруга поменьше с арочными деревянными дверьми, в которых по стыкам деревяшек пошли дыры, а дальше первую ступень стены образовывали номера «полулюкс», в один из которых как мышка забралась Энни, и вторую ступень – номера «люкс», за которыми прятались небольшие закрытые проходы в центральную часть корабля, и проход через них был заказан.

– Напоминает аквапарк, – улыбаясь, сказала Маддалена, идя к Энни и по привычке засунув руки в карманы своих чёрных джинсов, хотя в воде на это требовались кое-какие усилия.

– Аквапарк, да? – произнесла Энни, уткнувшись глазами в мозаику. Вроде совсем недавно они все вчетвером были в аквапарке. Шарли ещё потеряла браслетик, глупышка...

– Ты спишь? Везёт! Я вот не могу спать при свете, – как обычно съязвила Мадди.

– Осмотримся? – улыбнулась Энн.

– Ой, знаешь, у меня та-а-ак дел полно, – девушка почесала затылок под своим конским хвостом, – даже не знаю, с чего начать.

– Наша компания с гордостью представляет вашему вниманию номер «полулюкс» для двоих. Интерьер схож с тем, что находится в вашей каюте, однако этот номер аж в 2 раза больше предыдущего и сохранился в более лучшем состоянии, так как на нашей палубе нет иллюминаторов, кхэм... «разбитость» которых плохо влияет на мебель корабля, и, как вы заметили, в номере этом иллюминаторов тоже нет, и вид из окна не будет вас удручать. В скором времени, однако, вокруг корабля вырастет прекраснейший сад из кораллов, и тогда мы сможем специально для вас подобрать номер с хорошим видом! – Энни гордо закончила своё выступление.

– Прекрасная реклама, вот только... палуба холодная, Энни. Как бы не простыть под одеялом.

Они оглядели номер напоследок и вышли из него, не закрыв дверь.

– Может в ту арку пойдём? – заинтригованно спросила Мадди.

– Давай лучше по порядку – сходим в первый номер.

– Ок. У нас полно времени. Вся жизнь!..

Они молча и не спеша подошли к первому на палубе номеру, к №400. Энни повернула красивую облупившуюся ручку, и она поддалась. Сама дверь открылась тяжело и только наполовину – внизу что-то мешало или сильно заржавели крепления. Свет «аквапарка» без басейна ворвался в него с такой силой, что выключатель на стене долго искать не пришлось. Включилась одна лампа из трех, озарив неравномерно номер тёплым оранжевым светом. Вода

была здесь настолько чистой и непо тревоженной, что казалось, что её нет. На полу практически не было ни пыли, ни песка. Войдя в центр комнаты, девы раскрыли рты – настолько он был красив, этот номер «люкс». Тут и своя кухня, и резное трюмо, и высокая шикар ная кровать с вышитым вручную постельным бельём, и статуэтки прекрасных дев с фруктами, и имитация камина, и обтянутые золотыми и белыми накидками кресла, и шторы, и три больших иллюминатора, целых, страшных, красивых.

Мадди первым делом пошла на кухню. Энн зашла в ванную: тут вам и резные зеркала, и огромная раковина, и расписной унитаз, и ванна – джакузи!

– Эй, Мадди, тут джакузи есть! – прокричала Энни, привыкнув, что три последние дня ей пришлось говорить намного громче обычного.

– Иди сюда! – прокричала в ответ Маддалена. Интересно, что её могло заинтересовать больше, чем джакузи? Энни поспешила прийти.

Маддалена с лучезарной улыбкой стояла за ограждением кухни и смотрела на Энни. «Что ты там нашла?» – спросила Энн, перегибаясь через ограждение животом. Она посмотрела на руки Маддалены с тонкими пальчиками, как и у неё самой, но с более длинными и аккуратными ногтями, минуту думала, тупо уставившись на них, а потом и её лицо начало выдавать залпы восторга: «Это то, о чём я думаю?»

– Именно! – сказала Мадди, убирая руки от электроплиты. Убрала она руки по той причине, что больше на ней она их держать не могла.

– Господи, заживём-то сейчас! Дай я её поцелую!

– Губы ошпаришь! Знаешь, о чём я думаю, Энни?

– О чём?

– Я думаю, что этот корабль собирались тестировать под водой, и собирались тщательно. Сама подумай – отопление и электричество явно от водородного двигателя, как и в портативных стабилизаторах давления, прорезиненные полы, стены и потолки там, где это требуется, работающая под водой техника в номерах... Этот корабль ДОЛЖЕН был затонуть и всплыть, но не всплыл... Почему-то...

– Я думаю «почему» можно спросить у пробоины размером с человека, через которую мы попали сюда. Тут хочешь не хочешь, а корабль не всплывёт.

– Нет, Энни, тут мне не понятно, почему он не всплыл, когда на нём работающий стабилизатор давления.

– Может, корабль слишком тяжёлый?

Мадди взяла в руку найденную ей скороварку: «Энни, ты думаешь, что тот, кто позаботился даже о том, как готовить под водой, не рассчитал вероятность намеренного потопления корабля?»

– Намеренного? – Энни тупо уставилась на Маддалену.

– Да уж такую пробоину явно не рыбка пробила. Ну а, впрочем, о чём я? Смотри! – Мадди перевернула скороварку вверх дном, и Энни увидела по бокам дна старый (дырявый, но всё же) резиновый борт, по форме подходящий к плите. Мадди положила скороварку на плиту, и борт, плохо удерживающий вакуум, всё же зацепился за выемку вокруг плиты. «Это чтобы тепло по большей части передавалось на скороварку, а не в окружающую воду – пояснила Мадди, – но всё же, она немного прохудилась, а значит, в комнате будет жарковато...»

– Ты думаешь?..

– Конечно! Сварить рыбу! Тут даже кое-какие специи есть! Моя маленькая, моя хорошая, тебе больше не придётся жевать сырую рыбу! Ха-ха!

– Я рада, ну а в прочем, неплохое местечко. Но всё же пока я останусь наверху, а дальше посмотрим. Может, «перееду» сюда.

– Придётся нанять грузчиков, чтобы все твои вещи перевезти.

– На переезд ещё надо накопить!

– И не говори! – засмеялась Мадди.

Девушки еще долго рылись в комнате, радуясь ей, восклицая и показывая друг другу всякую роскошь, нашли даже пару драгоценных побрякушек, долго думали над ними (над тем, зачем они им теперь), всё-таки решили, что это так по-женски – украшать ими свою комнату для уюта, и поделили их. Потом поразмышляли над плитой, сняли со шторы позолоченную веревку и привязали в ручке плиты, чтобы выключать её на расстоянии. Они выключили плиту и свет и вышли из номера.

– Ну теперь-то нам можно пойти в арку? – спросила, ехидно улыбаясь, Маддалена.

– Можно, – неуверенно и глупо улыбаясь, разрешила Энн.

Они направились к арке в полукруге стены. Подойдя к ней, подняв по пути для уюта разбросанные лежаки, они посмотрели внутрь. Прямо перед ними была стена из мозаики, на которой был изображён летний остров с пальмами и птицами. Вдоль стены справа и слева были тёмные арки поменьше, как будто бы между ними и ещё одним помещением стояла незаконченная стена. Энни пошла справа, а Мадди слева. Они оказались в темноте какой-то комнаты и, переговариваясь, начали щастать руками по стенам. Рука Энни наткнулась на что-то больше, щёлкнула, и зажегся тусклый красный свет. Это был огромный выключатель с красной кнопкой размером с ладонь. Она повернулась и увидела Мадди, которой в её чёрной одежде этот свет очень шёл. Энни поглядела на потолок. На нём кругами шли лампы, и один из кругов светил красным. В центре сауны располагалось огромное джакузи.

– Вот это я понимаю место для отдыха! – воскликнула Мадди, разбежалась и прыгнула в центр джакузи, замедленно опускаясь на его дно в красном свете, обнимающем её за талию, словно он страстно её поддерживал, утягивая вверх. Она подошла к огромному крану и повернула его ручку. Сначала смеситель зашумел, затем из него ржавым потоком пошла тёплая пресная вода, дно джакузи начало вибрировать под подошвой кроссовок темноволосой девушки, ванная зашумела, щелкнула, тсыкнула, и вместо пузырей воздуха из её маленьких отверстий вверх пошла прохладная вода, очищая дно джакузи от песка и мелкого мусора и отталкивая его за пределы джакузи.

– Вот это да... – изумилась Энни. Она оглядела стену и увидела ещё выключатели. Щёлкнула по зеленому – не загорелся. По белому – включилась огромная лампа в центре и внешний круг ламп.

– Эй! Кто включил свет! Выключи его! – раздражённо потребовала Маддалена. Энни последовала приказу. Затем включила жёлтый свет, и включился ещё один круг ламп, некоторые из которого перегорели, и Энни оказалась в свете своих волос. Она выключила жёлтый и включила синий. Зажегся прекрасный круг света, хоть как-то напоминающий небо на поверхности. Энни выключила красный, и теперь стояла в том свете, который шёл ей, её голубой одежде, глазам ярко-голубого небесного цвета, и её рыжим волосам. В этом свете казалось, что волосы светятся сами. Мадди посмотрела на неё и увидела в ней её тонущую, светящуюся, спокойно лежащую на её усталых согнутых руках, вспомнила струйку крови, сочащуюся вверх с её лба и ускользящую в волосах и где-то вверху, словно её кровь поднималась к Богам в виде жертвоприношения.

– Тебе идёт этот цвет, – сказала Маддалена. Энни посмотрела на неё и увидела призрака, даже испугалась вместе с мышцами её живота – свет делал из Маддалены нечто жуткое и неживое, оттенял её лицо, съедал часть рук, поглощался одеждой, волосами и бесконечно чёрными глазами.

– Пожалуйста, только ТЫ не мойся в этом свете, ладно? – испуганно взмолилась Энни. Мадди громко засмеялась, словно услышала лучшую в мире шутку, и её бледные от природы губы стали тёмно-синими. «Я серьёзно! Оставим пока белый свет,» – сказала рыжая и переключила его. Призрак исчез. Вместо него стояла, улыбаясь, вечно спокойная, такая своя, Мадди.

– Давай придём сюда чуть позже, завтра, например, – предложила Энни.

– День СПА? Давай! Только я оставляю воду открытой, чтобы ванна чистилась.

Когда они вышли из арки, Мадди предложила сварить рыбу и пошла за ней наверх. Она предложила Энни тоже половить её, и они условились встретиться внизу и продолжить осматривать палубу. Энни взяла одну скороварку с собой, затем пошла в свой номер, отыскала в нём плетёную скатерть с множеством отверстий, затем пошла в зал с полукруглым диваном, отыскала пару ножек от стула и привязала скатерть к ним. С этой конструкцией она пошла на верхнюю палубу, высматривая рыбу. Долгое время она выхаживала по капитанскому мостику, не видя ни рыбешки. Потом всё же увидела одну, которую затянуло внутрь через разбитые зубы одного из окон, и поймала её. Девушка радостно оглядела свою добычу, состоящую из жалкой рыбёшки «на зубок» и расстроилась. Долго они так не протянут. Через полтора часа в её скороварке накопилось пять оглушённых рыбок, два моллюска, которых она решила подобрать у штурвала, мелкий краб и водоросли, часть из которых она запихала внутрь скороварки, а часть взяла с собой. «Надо постоянно рыбачить, чтобы не умереть от голода... Вот чем всё время занимается Мадди».

Энни спустилась на свою пятую палубу и увидела Мадди, сидящую в позе лотоса напротив одного из проёмов, ведущих в центральную часть корабля. Рядом с ней стояла кастрюля.

– Мадди...

– О, Энн, как улов?

– Так себе, – сказала Энн, протягивая Мадди скороварку.

– Ладно, пошли приготовим то, что есть, а то у меня уже голова кружится, – Мадди проигнорировала скороварку, взяла кастрюлю и отправилась вниз. Энни молча пошла следом. Они вошли в «люк» и подошли к плите, зажгли её. «Что у тебя там? – спросила Мадди, открывая скороварку, – неплохо! Это водоросли? Их тоже пожеем, хоть какие-то углеводы. Краба и устриц, пожалуй, на потом оставим, а всё остальное сварим». Мадди открыла кастрюлю и достала из неё трёх свежих рыб и штук пять не очень свежих, которые пришлось бы выкинуть, если бы не электрическая плита, а также несколько разделанных кусочков мяса, и переложила всё в скороварку, а из неё достала в кастрюлю краба и устриц. Затем она подкинула что-то из специй, которые лежали закрытыми в стеклянных баночках бог знает сколько лет, устало закрыла крышку и включила плиту, натянула веревку и привязала к двери.

– Готовиться будет часа два, – заключила Маддалена.

– Может, пока водоросли пожеем? – предложила Энни, протягивая Подруге часть растений.

– Пожеем и поспим, а то сил нет, – сказала темноволосая, взяла водоросли и пошла наверх. Энни хотелось того же самого, и вот она уже лежала в своём номере, жевала водоросли и дремала.

Рыжеволосой снились странные огромные полулюди полурыбы, яркие, разноцветные, которые ходили по палубам, носили шляпы-цилиндры и отдавали низкий поклон при виде Энни и Мадди.

– Энни, просыпайся! – Мадди легонько толкала Энни, – рыба готова!

Энни потянулась и удивилась тому, что Мадди в «её» комнате. Проснувшись, она поняла, что чувствует некоторую сытость от водорослей, но всё же пошла следом за ней. Сонно спустившись на четвёртую палубу, она сразу заметила, что верёвка отвязана. Подходя к каюте, она понимала, зачем им пришлось привязать верёвку – в ней было жарко, даже дышать было тяжело.

– Я тоже уснула, – сказала виновато Мадди, – не знаю, насколько всё плохо, но попробуй это, – Мадди вставила какой-то резиновый шланг (непонятно, где она его нашла) в отверстие в крышке скороварки, вытянула губами лишнюю воду из него, зажала пальцем и предложила Энни. Та смущенно подошла к плите, нагнулась к руке Мадди, взяла трубочку, словно из-под коктейля, и сделала глоток. Это был настоящий, потрясающий вкус супа! Такой вкусный,

тёплый и обжигающий! И она спешила делать глотки, перебивая один другим, пока трубка не втянула сама себя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.